

УДК 821.161.1

**ОСОБЕННОСТИ ПРИЕМА «НЕЙТРАЛИЗАЦИИ АНТИТЕЗЫ»
В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ Г. ИВАНОВА**

Высоцкая Мария Игоревна

студент

Научный руководитель: **Фаустов Андрей Анатольевич**

доктор филологических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей лирики Георгия Иванова эмигрантского периода. Семантический анализ поздней лирики поэта позволяет выделить прием, который условно можно назвать «нейтрализацией антитезы». Исследование сосредоточено на обнаружении и сравнении вариантов реализации этого приема. Материалом исследования выступают тексты Иванова, объединенные поэтом в сборнике «1943–1958. Стихи».

Ключевые слова: Нейтрализация антитезы, лирический субъект, стихотворение, образ, поздняя лирика.

**PECULIARITIES OF THE TECHNIQUE OF «NEUTRALIZATION
OF THE ANTITHESIS» IN THE LATE LYRICS OF G. IVANOV**

Vysotskaya Maria Igorevna

Faustov Andrey Anatolievich

Abstract: The article is devoted to the study of the peculiarities of Georgy Ivanov's lyrics of the emigrant period. Semantic analysis of the poet's late lyrics allows us to identify a technique that can be conditionally called "neutralization of the antithesis". The study focuses on the detection and comparison of options for the implementation of this technique. The research material is the texts of Ivanov, united by the poet in the collection «1943–1958. Poems».

Key words: Neutralization of the antithesis, lyrical subject, poem, image, late lyrics.

Высоко автобиографическая поэзия Георгия Иванова – это постоянное обсуждение его судьбы в изгнании. Диалог ведет расколота персона, которая одновременно смотрит на любимое прошлое и безнадежное настоящее. Две половины поэта Г.В. Иванова сталкиваются с видениями друг друга, и каждая видит в другой «портрет без сходства». Слияние этих голосов создает наиболее характерную и парадоксальную лирику в творчестве Георгия Иванова, где антитетические выражения часто представляются одинаково убедительными: «Что-то сбудется, что-то не сбудется...» [1, с. 319]. Валерий Блинов пишет: «Его чувства естественным образом переплетаются в некий многогранный диалектический клубок, некогда волшебный отпечаток в формуле Блокиана: радость – страдание» [2, с. 72]. Зинаида Гиппиус также отмечает: «Он думает противоречиями ... Постоянные – теза и антитеза» [3, с. 262].

При изучении поздней лирики Иванова нами была обнаружена и выделена одна из особенностей его семантической поэтики – прием, который условно можно назвать «нейтрализацией антитезы». Его сущность состоит в реинтерпретации как будто бы противоположных объектов: по мере развертывания текста они или обнаруживают между собой тождественность (сходство) или же задают ситуацию, когда невозможно определить, какой из них является истинным.

Были выделены следующие типы классификации:

- a) семантическое уравнивание противоположных предметов;
- b) классификационный сбой;
- c) обнаружение у противоположных объектов общих признаков;
- d) возникновение чего-то, на фоне которого разница между исходными объектами утрачивает смысл;
- e) генерализация объектов;
- f) невозможность определить, какой из объектов имеется в виду.

Преимущественно эффект нейтрализации выражается в семантическом уравнивании противоположных предметов. К примеру, в стихотворении «Что-то сбудется, что-то не сбудется...» происходит нейтрализация на уровне события: не важно, сбудется предполагаемое или нет; а затем – на уровне объекта: разные «что-то» становятся равноценны: «Что-то сбудется, что-то не сбудется./Перемелется всё, позабудется...» [1, с. 319]. Кроме того, в последней строфе снимается разница между фактом существования: «Если

плещется где-то Нева» – существует или нет; и фактом доступности: «Если к ней долетают слова» – существует, но в зоне доступа или нет [1, с. 319].

В стихотворении «Все неизменно и всё изменилось» Иванов снимает разницу между ощущениями изменчивости и постоянства происходящего: «Все неизменно и всё изменилось... / Вот я иду по осеннему полю, / Все как всегда, и другое, чем прежде...» [1, с. 320]. Отрицается существование неоспоримого факта – прошлого: «Долгие годы мне многое снилось, / Вот я проснулся – и где эти годы?..» [1, с. 320]. Некий сон, в котором пребывает лирический субъект, нарушает его равновесие своим исчезновением. Не ощущается отличия между чувствами свободы и безнадёжности: «Точно меня отпустили на волю / И отказали в последней надежде...» [1, с. 320]. Стихотворение коррелирует с предшествующим, вскользь обращаясь к эмиграции, что еще раз подчеркивает важность затрагиваемой темы и её связь с возникновением нейтрализации.

Близкий семантический сценарий можно найти в стихотворении «Нет в России даже дорогих могил...», где несуществование в действительности эквивалентно несуществованию в человеческой памяти: «Нет в России даже дорогих могил, / Может быть, и были – только я забыл. / Нету Петербурга, Киева, Москвы – / Может быть и были, да забыл, увы» [1, с. 382].

Можно заметить, что в двух примерах из трех в качестве утрачивающего свою признаковость объекта фигурирует Россия, от которой лирический субъект чувствует себя навсегда отчужденным.

Иногда снятие антитезы может приводить к своего рода классификационному сбою. Так, в стихотворении «Все туман. Бреду в тумане я...» мотив скуки и непонимания лирического «я» со стороны окружающего мира оборачивается одинаковым восприятием «ученых» и «неучей»: «Все туман. Бреду в тумане я / Скуки и непонимания. / И – с ученым или неучем – / Толковать мне, в общем, не о чем» [1, с. 394].

Происходит колебание смысловой границы. Это может выражаться и как в одинаковом восприятии противоположных состояний одной и той же сущности, и как в возникновении некоего полусостояния. В стихотворении «Мы не молоды. Но и не стары» в первой строфе происходит типичный классификационный сбой: «Мы не молоды. Но и не стары. / Мы не мертвые. И не живые...» [1, с. 436]. Теряет смысл категория возраста и неразличимым становится жизненное состояние.

Полусостояние может не только являться непосредственно самим приемом, но и служить основанием для возникновения нейтрализации. Третий способ использования приема нейтрализации заключается в обнаружении у противоположных объектов некоторой общности, схожего признака. В стихотворении «По дому бродит полуночник...» сближаются образы смерти: «Так труп лежит в песке, не тлея...»; и только зарождающейся жизни: «И так рожденья ждет дитя...», причем основанием для этого является полусуществование лирического «я»: «Нельзя сказать, что я скучаю. / Нельзя сказать, что я живу... / Не обижаясь, не жалея, не вспоминая, не грустя...» [1, с. 345].

Фактором сближения может стать, напротив, и такое третье, на фоне которого разница между двумя объектами утрачивает смысл. В стихотворении «То, о чем искусство лжет...» люди разного склада обнаруживают сходство в склонности к суете, кажущейся пустяковой в сравнении ценностями, которые хранит искусство и человеческая душа: «То, о чем искусство лжет, / Ничего не открывая, / То, что сердце бережет – / Вечный свет, вода живая... / ...Остальное пустяки. / Вьются у зажженной свечки / Комары и мотыльки. / Суется человечки, / умники и дураки» [1, с. 351].

В первых двух строфах стихотворения «Так, занимаясь пустяками...» можно обнаружить следующее противопоставление: пространство реальное («Так, занимаясь пустяками – / Покупками или бритьем, – / Своими слабыми руками / Мы чудный мир воссоздаем») и пространство ирреальное («И поднимаясь облаками / Ввысь – к небожителям на пир, – / Своими слабыми руками / Мы разрушаем этот мир») [1, с. 381]. Лирический субъект постоянно перемещается между двумя мирами, и этот жизненный ритм нивелирует привычное восприятие действительности: «И принимаем вперемежку – / С надменностью встречая их – / То восхищенье, то насмешку / От современников своих» [1, с. 381].

В стихотворении «Восточные поэты пели...» так называемые «восточные поэты» обвиняются лирическим субъектом в замалчивании в своих текстах темы смерти: «Восточные поэты пели / Хвалу цветам и именам, / Догадываясь еле-еле / О том, что недоступно нам» [1, с. 349]. Возникает проблема, связанная с восприятием смерти и её отражением в реальности творчества. Для лирического субъекта такая позиция выделяется из общей картины: на её фоне развлечения, скука, взгляд на мир «сквозь пальцы» одинаково надменны, ведь «о самом главном» поэты умалчивают («Быть

может, высшая надменность: / То развлекаться, то скучать, / Сквозь пальцы видеть современность, / О самом главном – промолчать» [1, с. 349]).

Стоит отметить, что общее у противоположных объектов не просто является признаком схожести – оно может отодвинуть сами объекты на второй план. Обычно определяющим признаком этого типа нейтрализации является состояние переходности, соприкосновения мира материального и нематериального, категорий жизни и смерти.

Может происходить снятие противоположности за счет обобщения, генерализации объектов. В стихотворении «А люди? Ну на что мне люди?..» различные состояния природы в равной степени служат выражением тоски: «Природа? Вот она, природа – / То дождь и холод, то жара. / Тоска в любое время года, / Как дребезжанье комара» [1, с. 329].

В стихотворении «О нет, не обращаюсь к миру я...» лирическое «я» говорит о том, что поэзия для него является способом дистанцирования от происходящего в действительности: «О нет, не обращаюсь к миру я / И вашего не жду признания. / Я попросту хлороформирую / Поэзией свое сознание» [1, с. 420]. Осуществление процесса «хлороформации» приводит к безразличию субъекта, к слиянию таких противоположных чувств как боли и счастья – в предпологаемо ничего не ощущающее состояние: «И наблюдаю с безучастием, / Как растворяются сомнения, / Как боль сливается со счастьем / В сияньи одеревенения» [1, с. 420].

Во многих текстах превалирует чувство равнодушия лирического «я» к миру и ко всему, что в этом мире происходит. Добавим, что мотив «скуки мирового безобразья» часто сопровождается размыванием дистанции между противоположными явлениями и образованием некоего промежуточного бытия, как, например, в стихотворении «Полу-жалость. Полу-отвращенье...»: «Полу-жалость. Полу-отвращенье. / Полу-память. Полу-ощущенье. / Полу-неизвестно что...», «Все еще мне не привыкнуть к скуке, / Скуке мирового безобразья!» [1, с. 384].

Нейтрализация может работать и иным образом: сначала обозначаются разные до противоположности феномены, а затем оказывается невозможно определить, какой из них нужно иметь в виду. К примеру, в стихотворении «Накипевшая за годы...» злость, о которой идет речь в первой строфе, во второй неожиданно превращается в «безразличье» ко всему миру. И это «безразличье» представляет собой неопознаваемое «нечто»: «Накипевшая за годы / Злость, сводящая с ума. / Злость к поборникам свободы. / Злость к

ревнителям ярма... / ...Злость? Вернее, безразличье / К жизни, к вечности, к судьбе. / Нечто кошкино иль птичье» [1, с. 447].

Или же «вкрадчиво-печальный» голосок птички, о котором говорится в произведении «Снова море, снова пальмы...», становится голосом из ада. На протяжении всего стихотворения перед нами формируется неопределенный образ: «Никогда её не видел / И не знаю, какова. / Кто её навек обидел, / В чем, своем, она права? / Велика иль невеличка? / Любит воду иль песок?» [1, с. 360]. Текст не предполагает возможности выявить, чей голос слышится лирическому «я» на самом деле: «Может, и совсем не птичка, / А из ада голосок?» [1, с. 360].

Любопытным для изучения представляется стихотворение «Теперь, когда я сгнил, и черви обглодали...», в котором разыгрывается, в частности, снятие противопоставления друзей и врагов: «Любезные друзья, не стоил я презренья / Прелестные враги, помочь вы не могли...», а лирический субъект утверждает мучительное бессмертие своего таланта «двойного зренья» – способности наблюдать за собой извне, и при жизни, и после смерти: «Мне исковеркал жизнь талант двойного зренья, / Но даже черви им, увы, пренебрегли» [1, с. 373]. Возможно, эта формула восходит к «Унынию» Н.А. Некрасова: «Жестокий бог! Он дал двойное зренья / Моим очам; пытливое волненье / Родил в уме, душою овладел...», «И вижу я, поверженный в смятенье, / В случайности несчастной — преступленье, / Предательство в ошибке роковой...» [4, с. 134]. Не исключено, что именно этот «талант» может рассматриваться – на уровне самосознания и самоописания поэта – как одна из причин возникновения механизма нейтрализации антитезы.

Список литературы

1. Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 1. – М., – 1994. – 656 с.
2. Блинов В. Проклятый поэт Петербурга. // Новый журнал. – 1981. – №142. – С. 65–88.
3. Гиппиус З. Н. Черты любви. Доклад в обществе «Зеленая Лампа». //Гиппиус З. Собрание сочинений. Т.13. У нас в Париже: Литер. и полит. Публ. 1928—1939 гг. Воспоминания. Портреты./сост., подг. текста, коммент., ук. имен А.Н. Николюкина и Т.Ф. Прокопова. М.: Изд-во «Д. Сечин», 2012. – 656 с.
4. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 3. Стихотворения 1866–1877гг. – Л.: «Наука», – 1982. – 511 с.